

Вес. клуб - 1994. - 7 июля. - с. 7.

Грозы над городом

«Люблю Зарайск, кремль, дорогу домой через овраг, Стрелецкую слободу люблю, как красоту пространства и времени», — написал однажды художник Владимир Пименов. Городок этот старинный, купеческий. Стоит на высоком берегу реки Осетр. Чудом хорошо сохранился кремль. Красоту и прелесть Зарайска не сумели загубить до конца ни современные дикое строения, чудовищным образом вклинившиеся в архитектурное пространство, ни умирающие особняки — хранители веков, ни нынешняя «среда обитания» — пестрая, но безликая в своей суетности. В конце восьмидесятых Пименов создал серию офортов, которые так и назывались «Зарайская среда обитания».

Самая большая серия Зарайского цикла называется «Жизнь в провинции». Мы уже забыли, что когда-то на огромных пространствах России были сотни небольших уютных городков, где набирал силу цвет российской науки; именно они были живыми источниками, из которых чер-

пала силу национальная русская культура. Нашей русской провинции было чем удивлять и чем гордиться... Давно это было. Сегодня российская провинция (да и не только провинция) — почти везде «среда обитания» безликая и монотонная, пугающая своим равнодушием

к ближнему: «Очередь», «Площадь», «Грозы над городом». Любой из офортов художника, будь то «Птицы» или «Мальчики-88», рожденные волнением и тревогой или, напротив, надеждой, как «Вестник», вызван потребностью исповеди. Обыкновенный человек, когда на душе беспокойно, поделится сокровенным с другом или пойдет к священнику, зная, что сказанное останется в тайне. У художника иначе: все, что лежит на душе и терзает сердце, — на суд людям.

Пименов пишет хорошо известную ему натуру, отнюдь не являясь ее рабом, он владеет ею, блестяще сохраняя в памяти и во времени. Он — иносказатель, умеющий объединить иронию и гротеск, умеющий взять внешнее событийное со стороны его значимости для жизни внутренней; отсюда его пристрастие к метафоре. Но Пименов реалист, если под этим подразумевать выбор художником объекта, который на сегодня является главным для окружающих.

У Пименова есть воистину пророческие листы, с которыми просто страшно оставаться один на один. «Переключатель»... Так значится офорт в каталоге, хотя его первоначальное, а на мой взгляд, истинное название — «Еще раз подтянемся».

...Цепляясь окоченевшими пальцами и упиравшись подбородком в холодное железо переключателя, еле держится на ней человек. Стеганный ватник и валенки спасают от мороза, но вряд ли облегчают задачу. Мужчина далеко не молод, и чувствуется, как

дрожат от напряжения согнутые в последнем усилии натруженные руки. А внизу у подножия холма затаился пустынный, засыпанный снегом, словно вымерший город. Переключатель еле «дышит»; и бревнышко к ней прикручено для «устойчивости», и дубинкой подоткнуто, но... того и гляди обвалится. Написана работа зимой, семидесят девятого. Когда я увидела «Переключатель» в мастерской, я вздрогнула: «Нет, — протестовала я, — нет, Володя, такого не будет!» В этом еще одно чудесное свойство пименовских работ — умение вступать в диалог. Ты смотришь на картину и либо сразу же, либо через какое-то время уже отвечаешь художнику, беседуешь, участвуешь. Ты — не просто зритель, ты — часть действия, часть ситуации.

...Через два года, оказавшись «под переключателем», я вспомнила первую встречу с ней и вздрогнула снова, теперь — от ужасающего (в данном случае) дара предвидения, присущего большому художнику.

Каждой из пименовских гравюр свойственны на первый взгляд противоречивые свойства: интимность настроения и демократичность восприятия. Высокая техника исполнения усиливает эмоциональную напряженность офортов. От того, что чувствуешь, глядя на «Зарайский цикл», мороз дерет по коже, бросает в жар, охватывает черная тоска и полнейшая безысходность, но... Но Пименов любит жизнь. Его бесстрашная уверенность в луч-

шее черпается, мне кажется, из двух источников. Первый — почти физиологическое ощущение крепости корней русской культуры и традиций, всего лучшего, что дала отечественная мыслительная наука. Не случайно в эту толпу современной «среды обитания» художник вводит незримо присутствующих знаменитых земляков: Достоевского, Есенина, Голубкину — «Прошедшее, проходящее, преходящее» (1987). Вечные ценности остаются. И вера художника в обновление России и возрождение провинции, само собой, в неистощимую побеждающую силу российского человека приобретает в наши смутные дни особый жизнеутверждающий смысл.

У Пименова есть работа, на которую я могу смотреть, не отрываясь, часами — «Вестник» (1986). Сюжет прост. Идет с почтовой сумкой, улыбаясь чему-то, старый человек. В противоположную сторону направляется босоногий мальчик с корзинкой. Мальчик невелик, лет семи; личико, сморщенное от неудовольствия — идти явно не хочется, да и ноша не совсем по плечу. Белая линия расщепляет дерево, от которого вроде бы в разные стороны (а на самом деле навстречу друг другу) идут старик и мальчик. И если даже на секунду остановить взгляд на белом внутри дерева, то почти физически ощущаешь световую мощь пространства, раздвигающего черноту. И чувствуешь, нет, знаешь; мальчик обязательно догонит старика, а тот по дождет мальчика. Метафора и символ — вот что такое

«Вестник» Владимира Пименова, одна из прекрасных работ «Зарайского цикла».

Можно долго рассказывать почти о каждой из пименовских работ, как и о самом художнике. Личности незаурядной и удивительной. Его творческий потенциал поистине неограничен: живопись, акварель, рисунок, офорт. Равно как и богата тематическая палитра. Село, космос, психологический портрет, чудные иллюстрации к Платонову, но... дорог мне больше всех «Зарайский цикл». Почему? Да кто же сумеет ответить на такой вопрос? «Люблю — и больше ничего»... А еще, наверное, потому что прекрасно, когда чувствуешь рядом руку, на которую можно опереться, если трудно. Вот зарайские гравюры для меня та самая рука, тот белый луч, что выведет из темноты. И начинаешь верить, и понимаешь, что ждним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения». И это — о нас, о России. Для чего придется,

правда, немало потрудиться. Что постоянно делает Пименов все двадцать лет, что мы знакомы. В нем удивительным образом совмещаются художник и гражданин, что удается далеко не всем и не каждому мастеру. У Пименова — это органическая потребность души. И выступления художника в защиту архитектурной среды Зарайска, его сохранения и восстановления как памятника культуры и истории не только известны в районе, но и не всем по нраву.

Судьба послала ему испытание: недавно при туманных обстоятельствах сгорела мастерская художника в Зарайске. Погибли почти все работы, которые находились в доме. Слава Богу, остались некоторые доски, рисунки и живопись, и графика в государственных — российских и зарубежных, а также частных собраниях. Слава Богу, Володя по натуре оптимист и созидатель.

А грозы над городом прохоят.

Светлана ГЛАДЫШ.

